

**ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ОТБОРА И АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА
ДЛЯ ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ**

Автор рассматривает актуальные вопросы современных лингвистических исследований в рамках антропоцентрического подхода к языку. В ряду новых научных дисциплин антропологической ориентации в современных исследованиях выделяется лингвокультурология как дисциплина синтезирующего типа, направленная на описание культурно-нравственного опыта и национальной ментальности, которые в языке представлены особыми культурными долями значения языковых единиц. Использование результатов лингвокультурологических исследований в практике обучения русскому языку дает основание автору говорить о новом аспекте лингводидактики — прикладной лингвокультурологии, характеризующейся рядом специфических признаков. По мнению автора, главным для прикладной лингвокультурологии является решение конкретных методических задач, поиск материала, методов анализа, а также сфер применения полученных результатов в практике обучения языку.

Ключевые слова: прикладная лингвокультурология, лингвокультурологический метод, анализ языковых единиц, лингводидактика.

I. Vasilyuk

**APPLIED LINGUO-CULTUROLOGY:
ISSUES OF SELECTING AND ANALYZING LANGUAGE MATERIAL
FOR THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

The topical issues of modern linguistic research within the framework of the anthropocentric approach to the language are regarded. One of the new anthropologically oriented disciplines in the current research is linguo-culturology. This discipline is of a synthesizing type and deals with the description of cultural and moral experience and ethnic mentality that are represented in a language by special cultural fractions in the meaning of language units. The application of the findings of linguo-culturological research to the practice of teaching Russian as a foreign language has made it possible to distinguish a new aspect of linguo-didactics – applied linguo-culturology which is characterized by a number of specific features. It is argued that the purpose

of applied lingvo-culturology is the solution of some particular problems in methods of teaching a foreign language, the search for appropriate educational materials and methods of analysis, as well as for the areas of application of the obtained results to the practice of teaching a language.

Keywords: applied lingvo-culturology, lingvo-culturological method, analysis of language units, lingvo-didactics.

Появление в России в конце XX столетия лингвокультурологии, новой области филологического знания, — это смена научной парадигмы в кругу дисциплин гуманитарного цикла, потому что в лингвистических работах отчетливо звучала мысль о кризисе структурно-семантического подхода, под знаком которого долгое время развивалось современное языкознание. Утверждалось также, что системно-классификационный подход исчерпал себя, а семиотика «должна умерить свои аппетиты и отказаться от набегов на неподвластные ей территории» [16, с. 13]. Лингвистам рекомендовалось менять научные приоритеты и настоятельно изучать ‘человеческий фактор’ в языке, язык в связи с человеческой деятельностью, человека в языке и язык в человеке. Подобные предложения поддерживались общей тенденцией гуманизации научного знания, стремлением науки обрести ‘антропоцентрический’ характер [10, с. 19]. Естественно, что исследования, выполненные в антропоцентрической парадигме, не замедлили появиться, так же как и работы, оценивающие их критически.

Во многих отечественных языковедческих работах антропоцентрической направленности «эксплицитно провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека» [20, с. 29]. Последовательное проведение антропологического подхода к языку «выдвигает на первый план разработку таких тесно связанных друг с другом направлений в рамках лингвистической антропологической ориентации, как лингвосociология, лингвопсихология, лингвоэтология и, наконец, лингвокультурология, направленная на изучение взаимоотношений языка и культуры» [20, с. 29].

Сегодня не вызывает сомнения, что лингвокультурология уже сформировалась как научная филологическая дисциплина синтезирующего типа, использующая данные других гуманитарных наук, необходимые для объективного описания культурно-нравственного опыта и национальной ментальности в сопоставительном аспекте, которые представлены на языковом уровне как функционирующая культурная доля значения языковых сущностей, взятых в непосредственном соотношении с концептами национальной культуры.

Поставив перед собой вполне определенные задачи научного характера и уже решив некоторые из них, лингвокультурология, являющаяся дисциплиной научного направления «русский язык как иностранный» (РКИ), предполагает и свое прикладное, научно-методическое развитие в форме реализации конечных выводов и результатов в методике и практике обучения иностранных студентов. Сопряжение культурного содержания языковых единиц через когнитивные структуры с национальным культурно-нравственным опытом народа может позволить иностранным студентам ориентироваться в имплицитном содержании русского языка. Изучая национально-культурное содержание языковых единиц, прикладная лингвокультурология ставит перед собой задачу их описания в аспекте РКИ с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры.

Известно также, что преподаватели русского языка должны обеспечивать содержательное насыщение учебного процесса таким образом, чтобы иностранные студенты, наряду с овладением русским языком, знако-

мились с типичными явлениями социально-экономической, культурной, научной жизни России, ценностями образа жизни русского народа. Успешному решению задач обучения и аккультурации иностранных студентов отвечает лингвокультурологический подход, с помощью которого выявляется лингвистическое и культурологическое обеспечение адекватного употребления русского языка как иностранного. Ориентация в учебном процессе на современную российскую действительность, правдивое и умелое проведение ознакомительно-культурологической работы ставит задачу повышения эффективности разрабатываемых научно-методических рекомендаций.

Прикладная лингвокультурология как раз и осуществляется в рамках государственного направления «Использование русского языка как средства распространения информации в области экономики, науки и культуры». При этом прикладная лингвокультурология как аспект лингводидактики рассматривает проблемы взаимодействия языка и культуры в процессе его функционирования, а также описания и преподавания. Соглашаясь принципиально с лингвострановедением как системой руководящих принципов решения образовательных и гуманистических задач, прикладная лингвокультурология вместе с тем характеризуется рядом специфических признаков: 1) сосредоточивает свое внимание на раскрытии культурных ценностей, созданных человеком; 2) характеризуется целостным подходом к характеристике тех реалий, которые существенны в процессе социально-культурологического функционирования русского языка, его описания и преподавания; 3) ориентируется на полную и объективную информацию в учебном процессе о различных областях культурной жизни России. Таким образом, прикладная лингвокультурология, являющаяся областью лингводидактической дисциплины, отражает новый этап в развитии методики преподавания русского языка как иностранного.

Как любое учебно-методическое направление, прикладная лингвокультурология должна определить предмет и объект своего исследования, методику анализа. Очевидно, что именно новизна научного направления предопределяет разнообразие в понимании всех этих понятий. В. В. Воробьев считает, что лингвокультурология «исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой картины мира и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [6, с. 125]. С точки зрения В. Н. Телия, главной сферой интересов лингвокультурологии «является изучение способов воплощения в живом национальном языке материальной культуры и менталитета этноса, рассмотрение характера взаимодействия языка и общечеловеческих форм культуры в проекции на национальный язык, исследование языковых процессов через взаимосвязь с этнической культурой» [22, с. 216]. Следовательно, важнейшим результатом лингвокультурологического описания должно стать как создание «национального образа мира», так и установление и описание корреспонденции общечеловеческого и национального.

Однако понимание изучаемого предмета у исследователей разнится. Предмет лингвокультурологии, по В. В. Воробьеву, — «...национальные формы бытия личности, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на культурных ценностях конкретно-исторического общества» [6, с. 126], главные задачи направления «системное и паритетное рассмотрение культуры и языка как совокупности единиц, образующих полевые структуры», «...не простое изучение взаимодействия языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов или опора на предметно-понятийную сферу, сферу культуры в учебном описании и преподавании, а цело-

стное теоретико-описательное изучение объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке, контрастивный анализ культурологических сфер разных языков на основе теории лингвистической относительности» [6, с. 126]. По В. Н. Телия, предметом лингвокультурологии «...является исследование и описание синхронно действующих средств и способов взаимодействия языка и культуры, которое должно осуществляться на основе разработки адекватных этим культурно-языковым механизмам методов» [22, с. 17], а соответственно — «...главной целью лингвокультурологии, материалом которой является язык в его живом функционировании в дискурсах разных типов (в разговорном обиходе, в художественной литературе, в политических риториках и т. п.), является выявление "повседневной" культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества на основе описания культурных коннотаций, соотносимых с концептуальным содержанием языковых знаков различных типов и воспроизводимых вместе с ними в процессах употребления языка, и тем самым несущих сведения о совокупной идентичности культурно-языкового самосознания как части общекультурного менталитета социума» [22, с. 24].

Из этой полемики очевидно, что сегодня лингвокультурология это действительно самостоятельное научное направление, в рамках которого создаются учебные пособия [14], направление, границы которого начинают расширяться за счет образования на его базе новых ветвей исследования: сопоставительной лингвокультурологии [5], педагогической лингвокультурологии [4], практической лингвокультурологии [7]. При этом главными для прикладной лингвокультурологии являются решение конкретных методических задач, поиск материала, методов анализа, сфер применения полученных результатов в практике обучения, в том числе русскому языку как иностранному.

Все сказанное выше позволяет согласиться с мнением В. В. Воробьева о сущности этого лингводидактического направления в кругу других научных дисциплин. «Содержание лингвокультурологии, оправдывающее ее выделение в самостоятельное направление гуманитарного знания, имеет своим предметом национальные формы бытия личности, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на культурных ценностях конкретно исторического общества. Следовательно, лингвокультурология: а) выступает системообразующим фактором комплекса философско-культурологических и лингвистических традиций; занимается интегративным описанием языка и культуры, построением неких инвариантных моделей их взаимосвязи; в) как "металингвистическая" наука основывается на "диалогическом методе" сопоставления разных языков, культур и духовных ценностей» [6, с. 126].

Поскольку прикладная лингвокультурология — новая область научно-методического знания, в которой ведется теоретическая разработка основ науки и практический анализ языкового материала, перед ней довольно остро стоит вопрос о собственных исследовательских методах, так как считается, что «базовые принципы лингвокультурологического анализа пока еще находятся в стадии формирования и при этом опираются на такие современные методы лингвистических исследований, как когнитивная и фреймовая лингвистика, логический анализ языка, семиотика, психоанализ, постмодернизм» [3, с. 138]. Обязательным условием для «институционализации» прикладной лингвокультурологии является наличие у нее собственных методов анализа учебного материала. На сегодняшний день таковых несколько.

В лингводидактике одним из таких методов является лингвокультурологический, который определяется как комплексный метод исследования, с помощью которого выявляется лингвистическое и культуроло-

гическое обеспечение адекватного употребления языка как иностранного. В теоретической лингвокультурологии можно встретиться с методом лингвокультурологического анализа «фразеологического языка».

В соответствии с общей направленностью нашего исследовательского материала особую значимость представляет именно лингвокультурологический анализ языковых единиц, состоящий из нескольких последовательных этапов: во-первых, выявляются все языковые единицы (лексические, фразеологические и пр.), используемые для обозначений; во-вторых, проводится параметризация языковых единиц по их частям; в-третьих, строится концептуальный каркас, на который накладываются номинации языковых единиц; в-четвертых, на основе «здорового смысла» выявляется таксономическая сетка внутри каждого из параметров каркаса; в-пятых, выявляется базовая языковая единица; в-шестых, соотносится базовая языковая единица с культурным стереотипом.

Данную методологию лингвокультурологического анализа характеризует системность и логичность, детальность проработки отдельных процедур, совмещение собственно лингвистического и культурологического подходов к языковому материалу, возможность использовать его в качестве универсального средства для выявления культурно-национальной специфики языковой единицы, извлекаемой не только из материала фразеологии и паремиологии, но и из образно мотивированных слов и логоэпистем, а также высокая объяснительная сила при описании отдельных фактов русской культуры. Однако должны оговориться, что в предложенной методологии далеко не все ясно, поскольку некоторые процедуры пока еще недостаточно освещены ни в теоретическом описании, ни в практическом анализе, что мы и восполняем.

Нам представляется необходимым на *первом этапе* выявить все языковые еди-

ницы, используемые для обозначения, например, концептов. Однако языковая реализация концептов может существенно различаться: если одни концепты «покрываются» ограниченным числом языковых единиц, то другие — десятками и сотнями слов и оборотов, зафиксированных в словарях литературного языка, встречающихся в газетно-журнальной публицистике или не отмеченных по разным причинам письменными текстами. Более того, язык на лексико-семантическом уровне постоянно меняется, в нем есть зоны движения, нестабильности и вариативности, и в этих зонах оказывается неучтенный и неописанный языковой материал. То есть даже на лексико-семантическом уровне описания культурной коннотации все языковые единицы учесть невозможно. Поэтому попытка выявить и привлечь к описанию все языковые единицы, реализующие концепт, может оказаться нереализованной или декларативным заявлением исследователя. Так, например, стремление охватить при анализе максимальное число разнопорядковых языковых единиц (к примеру, Г. В. Токарев [23] для описания концепта «трудовая деятельность» привлекает к анализу более десяти тысяч лексем, фразеологизмов, паремий, сложных синтаксических целых типа афоризмов) может привести не только к непомерному разрастанию материала, но и к размыванию его границ. Вряд ли объемный материал может быть одинаково глубоко проработан на втором этапе лингвокультурологического анализа. Поэтому нам думается, что первый этап данного анализа может быть скорректирован, например, дискурсивным подходом к языковому описанию концепта.

На *втором этапе* предлагается осуществлять выделение идеографического массива, а затем идеографическую параметризацию концепта по его частям, чтобы увидеть и понять место знака в идеографическом пространстве языковой картины мира. Появление этого этапа анализа, по нашему

мнению, обусловлено тем, что языковая картина мира выстраивается в соответствии со свойствами самих обозначаемых концептов. Здесь мы опираемся на мысль Н. Д. Арутюновой о том, что «каждое понятие говорит особым языком. Такой ‘частный’ язык располагает характерным для него синтаксисом, своим ограниченным и устойчивым лексиконом, основанным на образах и аналогиях. Своей фразеологией, риторикой и шаблонами, своей областью референции для каждого термина. Такого рода язык открывает доступ соответствующему понятию» [2, с. 3]. Нам думается, что концептуально-идеографические массивы могут прояснить связь мировидения с менталитетом народа и показать своеобразие в членении языковой картины мира. Здесь также надо иметь в виду и исходную точку отсчета при идеографическом описании языковых фактов, от чего должен идти исследователь — от собственного восприятия действительности, от своих знаний о мироустройстве или же от языкового материала. Как представляется, идеографическое описание одного и того же языка будет различаться в зависимости от индуктивного или дедуктивного подхода к группировке материала, от установки на ‘научность’ или ‘обиходность’.

На *третьем этапе* представляется возможным создать концептуальный каркас и наложить на него способы номинации, а на *четвертом* — выявить таксономические сетки, опираясь на здравый смысл.

На *пятом этапе* необходимо выявить в идеографическом массиве базовую языковую единицу (например, метафору). Однако здесь надо иметь в виду, что отнесение той или иной метафоры к числу базовых не всегда бесспорно. Более того, велика вероятность, что сам набор базовых метафор, как и их интерпретация, будет различаться у исследователей, занимающихся разработкой одного и того же культурного концепта в зависимости от многих объективных и субъективных факторов.

Данная методика отличается интерпретативным характером, поскольку в ней явно проступает неординарная личность исследователя. По сути дела, мы сталкиваемся с одним из видов герменевтического анализа: например, исследуемый фразеологизм становится текстом, из которого извлекается разнообразная культурная информация и разнотипные знания. Философ А. Н. Портнов отмечает, что греческое название *hermenein* включало в себя два типа знания — рационально-теоретическое и чувственно-практическое, причем в семантике современного термина сохранились оба знания [19, с. 199]. Герменевтика XX в. строится на «интуиции присутствия», когда исследователь находится как бы внутри изучаемой им реальности. Проникнуть в эту реальность помогает язык «как накопитель информации об определенной эпохе, об определенном социальном слое либо социальной группе» [19, с. 199]. Для исследователей-герменевтов первостепенное значение имеет осмысление того, что было ‘зачерпнуто’ и ‘ухвачено’ языком прежде и каким образом сейчас язык выражает наличное знание. Очевидно, не случайно Х. Г. Гадамер утверждал, что язык является средой герменевтического опыта. Более того, по его мнению, «языковой характер нашего опыта мира предшествует всему, что мы познаем и высказываем в качестве сущего... а все то, что является предметом познания и высказывания, всегда окружено мировым горизонтом языка» [8, с. 520]. Следовательно, в самом широком смысле герменевтика — это теория и практика истолкования текстов, ее целевая установка, по мнению В. В. Колесова, «не открытие нового, а истолкование открытого и давно известного» [11, с. 103].

Сегодня в лингвистической науке герменевтический подход к изучению языка четче всего проявляется в методике концептуального анализа, имеющего разнообразные формы (например, [1, 12, 18, 24] и др.). Использование концептуального ана-

лиза в лингвокультурологии легко объяснимо интегративным характером данного научного направления, а также возможностью исследователя уйти от лингвоцентрического описания языка и подойти к его антропоцентрическому разысканию. Концептуальный анализ удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к научному методу, так как он является «специфическим способом познания, представляющим собой систему познавательных операций, адекватную предмету и цели исследования» [9, с. 8].

Возвращаясь к лингвокультурологическому анализу, следует сказать, что эта методика применяется отдельными исследователями, но каждый из них, работая над тем или иным культурным концептом, привносит в методику новые элементы.

Например, Г. В. Токарев, описывая концепт «трудовая деятельность», расширяет границы ‘хранителей’ культурной информации и показывает, что она представлена в образном основании языковых единиц, в деривационных сетях слова, в парадигматических и синтагматических связях слова; ее можно получить, анализируя динамические изменения слов и их смысловой структуры, а также наблюдая за их частотностью. Исследователь считает, что концепт «трудовая деятельность» должен быть описан с учетом разных типов дискурса — специально-терминологического, жанрового, идеологического (особо выделен советский дискурс), диалектного, жаргонно-арготического и т. д. Предлагаемый им подход усложняет, расширяет и уточняет методику описания концепта, которая строится следующим образом: «1. Таксономическое моделирование концепта. 2. Определение места концепта в идиосфере, связей с другими концептами. 3. Экспликация артефактов, ментофактов, мифологем, стереотипов, культурных установок, идеологем, символов, эталонов, репрезентирующих данный концепт в знаковой системе культуры, этнографических и историче-

ских данных. 4. Выяснение средств языковой репрезентации концепта. 5. Изучение средств хранения культурной коннотации: образного основания, сфер номинации, исторической динамики семантических структур, ключевых слов, парадигматических и синтагматических связей, квазиэталонов. 6. Дискурсивное изучение концепта» [23, с. 79]. Ученый особо оговаривает, что «данная последовательность не имеет характера строгой рекомендации. Ее можно придерживаться, но можно нарушать. Нужно предвидеть, что результаты каждой предыдущей ступени будут пополняться при переходе к последующей» [23, с. 79]. Очевидно, что методика лингвокультурологического описания концепта, предложенная Г. В. Токаревым, перекликается с методикой нашего подхода к выявлению учебного материала.

Покажем разработанную нами методику анализа языковых единиц (лингвокультурем), включающую в себя ряд этапов.

На *первом этапе* необходимо обеспечить определенный объем фразеологических единиц, который должен быть достаточным и максимально объективным для выявления сущности лингвокультуры. Это означает, что к изучению необходимо привлечь не избранные единичные пословицы и поговорки, которые логично укладываются в систему воззрений исследователя, а по возможности весь паремический материал заданной тематики, зафиксированный лингвистическими словарями и различными сборниками пословиц и поговорок. Основная трудность этого этапа работы заключается в том, что интересующий нас материал чрезвычайно обширен, и, по сути дела, складывается впечатление, что исследователь пытается объять необъятное. Тем не менее известно, что при составлении сборников пословиц и поговорок их авторы обычно учитывают предшествующий материал, который, несмотря на свою вариативность, достаточно стабилен. Это означает, что поставленная цель может

быть достигнута при обращении к самым объемным паремическим сборникам. Например, анализ лингвокультуры 'русскость' потребовал от нас обратиться к доминанте 'религиозность', но прежде — выработать принципы отбора фразеологического материала. Мы установили, что в Словаре В. И. Даля более ста паремий со словом 'религиозный'. Несомненно, данный объем паремий уже достаточен для объективного анализа понятия 'религиозность'.

Однако еще на стадии отбора фразеологических единиц перед исследователем встает вопрос, можно ли руководствоваться только формальным признаком (наличие ключевого слова-компонента в составе провербиального выражения), чтобы определить круг оборотов, представляющих изучаемую лингвокультуру? В первую очередь исследователь обращает внимание на форму оборота и наличие в его составе слов, являющихся ключевыми для лингвокультуры. Но нельзя исключать из рассмотрения и такие паремии, в составе которых отсутствуют соответствующие ключевые слова, тогда как идея религиозности в них наличествует (*Свет в храме от свечи, а в душе от молитвы*). Эта паремия, семантически соотнесенная с идеей религиозности, тоже привлекается к анализу.

Именно на этом этапе сбора материала накапливается информация о степени значимости того или иного явления русской действительности для народной жизни. На это указывает количество языковых единиц, позволяющих увидеть глубину проработки понятия. В том случае, если число паремий, связанных с тем или иным понятием, невелико, выстроить паремический вариант лингвокультуры невозможно.

Второй этап анализа заключается в технике прочтения выявленных текстов. Исследователь обязан отвлечься от стереотипного восприятия пословицы как нравоучения; не принимать в расчет переносный план выражения. Его внимание должно со-

средоточиться на первичном содержании оборота. Буквальность прочтения предполагает выявление прототипической ситуации и первичного смысла, которые легли в основу паремии, что дает возможность проследить истоки ее возникновения, возможность проникновения сначала в повседневный быт, в обыденную жизнь, а потом — в систему образного видения мира средним русским человеком.

На втором этапе исследования проясняются многие 'темные' слова в текстах паремий и исчезает затемненность значения оборотов. Здесь выявляется значение отдельных 'темных' слов, входящих в паремии. Как правило, завеса загадочности со многих пословиц снимается уже после привлечения материалов словаря В. И. Даля, хотя иногда необходимо обращение к современным диалектным словарям. Очень неожиданно то, что уже на этом этапе работы исследователь видит односторонность и субъективность привычных описаний русской действительности прошлых веков. Здесь мы имеем в виду то, что паремический материал со всей наглядностью показывает живучесть многих оценок прошлого, объективность которых может быть подвержена сомнению. Так, например, определенная часть ученых, опираясь на произвольно отобранный материал, толкует его в угоду идеологическим установкам того или иного времени. Следует отметить и другое: чаще всего к содержанию пословиц и поговорок исследователи подходят с позиции иной 'элитарной' культуры, не учитывая, что мир народной культуры отличается в основных своих ипостасях от мира культуры элитарной.

Также на данном этапе исследования прослеживается характер связей друг с другом самих паремий и представляемых ими понятий, а также устанавливаются границы этических оценок одного и того же явления. Для определения последних очень важными оказываются наблюдения над вариативностью формы паремий, кото-

рые подводят к выводу о том, что паремии сходного компонентного наполнения называют разные, хотя и соотносительные, явления действительности, давая им неодинаковые оценки, способные пролить свет на стереотипы этического поведения и показать особенности этнической психологии.

Анализ вариативности формы паремий и изучение их связей друг с другом является содержанием *третьего этапа* работы.

Первые три этапа исследования объединены общей задачей: определить характер и глубину народного знания об очень привычных понятиях русского образа жизни, описываемых обычно в пределах общечеловеческих универсалий.

На *четвертом этапе* исследования предпринимается попытка выявить уникальное внутри универсального: рассматриваются особенности языкового воплощения знания, реализованного именно в паремических единицах, определяются доминанты их образной системы, превращающие паремии из отдельных разрозненных образований в нечто цельное и структурированное, — в паремический вариант русской лингвокультуры.

Очевидно, что выявить специфически русское в русских же паремиях довольно сложно и проблематично. Любому лингвисту, занимающемуся синхронными исследованиями, известно, что специфическое нельзя увидеть в пределах изучаемого языка: оно может быть найдено только на иноязычном фоне.

Здесь следует отметить, что замкнутость в пределах одного языка породила главные недостатки многих отечественных фразеологических исследований — «переоценку национальной специфичности русской идиоматики» [15, с. 19), «принятие интернационального за сугубо национальное» и «псевдонациональную трактовку того, что представляется четко обозначенным географически» [15, с. 30]. Но если в исследованиях фразеологов-русистов доминировала идея о национальной специфичности

русской идиоматики, то в работах фразеологов-компаративистов возобладал противоположный взгляд: национальное своеобразие ушло на второй план, уступив доминирующее положение интернациональному во фразеологическом фонде того или иного языка [21].

К сходным выводам пришли и паремиологи-компаративисты. Сопоставительное изучение паремий доказало их знаковый характер (ср. «...пословицы и поговорки (как и другие изречения данного жанра) — не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами») [17, с. 17] и их логико-семантическое тождество. Отсюда последовал закономерный вывод: «А раз они знаки, то не так важна их ‘отделка’, их внешняя образность, как то, что они означают, какова суть передаваемой ими жизненной ситуации» [17, с. 17].

Следовательно, паремиологи-компаративисты сделали акцент на общечеловеческом, универсальном характере пословиц и поговорок. Но логико-семиотическое тождество паремического фонда разных народов мира вовсе не убеждает, что зафиксированные в них знания и оценки мира идентичны у всех этносов. Именно несходство образной основы паремий демонстрирует специфический характер народного знания и народного осмысления тех или иных реалий действительности. Система образов, сформированная в паремическом фонде языка, или в proverbiallym пространстве [17], позволяет рассматривать ее как своего рода культурный код, характеризующийся национальной специфичностью.

По нашему мнению, специфическое в характере народного знания, в народном понимании тех или иных реалий действительности, нашедших отражение в паремиях, правомерно определять в границах одного языка.

Для поиска специфически русского в пословицах как одной из составляющих народной культуры необходимо выйти за

пределы собственно пословичного материала и обратиться к данным этнографии, к материалам художественной литературы, к публицистическим и религиозно-философским исследованиям отечественных и зарубежных ученых, к историческим свидетельствам иностранцев, посетивших в тот или иной период Россию и оставивших свои наблюдения в различного рода мемуарах и записках. Опора на такой разноплановый материал позволит избежать субъективности выводов и заключений и с большой степенью надежности определить именно русское. Однако важно отметить следующее: данные этнографии, классической литературы и мемуаристики являются лишь вспомогательным источником исследования народной культуры.

Таким образом, описание паремического варианта концепта или лингвокультуры народной культуры предполагает: 1) привлечение к анализу максимально полного круга паремий заданной тематики; 2) выявление прототипической ситуации возникновения пословиц и поговорок, их первичного смысла путем буквального прочтения провербиальных выражений; 3) изучение вариантной формы паремических единиц, характера их связей друг с другом, точек сопряжения в провербиальном пространстве для определения границ культурного концепта или лингвокультуры и их места в кругу других единиц; 4) поиск национально маркированного знания, реализованного в их образной основе. Такой поэтапный анализ паремического материала составляет суть предлагаемого лингвокультурологического анализа. На наш взгляд, под термином «лингвокультурологический анализ» чаще всего понимается анализ и структурирование лингвокультуры, концептуализация понятий.

Естественно, методики концептуализации явлений духовной культуры не только могут различаться, но, по-видимому, и должны различаться, потому что отличается сам языковой материал и стратегические

установки исследования. Можно в концептуализации понятия идти дедуктивным путем, опираясь, главным образом, на свое мировидение, руководствуясь в структурировании концепта здравым смыслом, а можно идти и индуктивным путем — от языкового материала к понятию. Такой путь оказывается достаточно сложным, потому что привлеченный во всей полноте материал оказывается неожиданным для исследователя и во многом не совпадает с воззрениями исследователя на описываемое понятие, заставляет пересматривать свои представления на систему взглядов народа, на его ценностные ориентиры, а в конечном итоге — разрушает сложившиеся стереотипы и снимает многие идеологические шоры.

Обобщим сказанное о лингвокультурологических методах исследования. Главный вывод, который следует из предложенного нами описания, состоит в том, что есть разнообразные лингвокультурологические методики описания культурных концептов и лингвокультуры, эти методики имеют разные названия, поскольку отражают в своих номинациях либо исследуемый языковой материал, либо конечную цель описания — концепт или лингвокультуру. Последнее — стремление дать русское описание русской лингвокультуре или концепту — пожалуй, то, что объединяет большинство лингвокультурологов.

Таким образом, на основании предложенной в данной статье методологии выявления и анализа языкового материала в аспекте прикладной лингвокультурологии может осуществляться дальнейшее совершенствование учебного процесса с поворотом от недостаточно организованного учебного материала к научно обоснованной, эффективной системе работы, созданию соответствующих учебных пособий и словарей и теории и практики обучения русскому языку как иностранному в тесной связи с культурой русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. — М., 1997. № 2. С. 59–70.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999. С. 131–138.
4. Волкова Т. Н. Лингвопедагогическая культурология, ее предмет и место в системе научного знания // Новое в преподавании русского языка в школе и вузе. Изв. ГУ. — Иваново, 1998. С. 167–169.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). — М.: Изд-во РУДН, 1997.
6. Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии // Русский язык, литература и культура на рубеже веков: 9 Межд. конгресс МАПРЯЛ. 1. Тез. докл. и сообщ. — Братислава, 1999. Т. 2. С. 125–126.
7. Воробьев В. В., Дронов В. В., Хруслов Г. В. Москва... Россия. Речь и образы. — М., 2005.
8. Гадамер Х. Г. 1998.
9. Ерахтин А. В. Диалектика становления мышления и сознания. — Свердловск, 1989.
10. Караулов Ю. Н. Понятие языковой личности в трудах В. В. Виноградова // Русский язык: Языковое значение в функциональном и эстетическом аспектах: Виноградовские чтения. — М.: Наука, 1987. С. 91–101.
11. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова... — СПб.: Златоуст, 1999.
12. Концептуализация и смысл. — М., 1990.
13. Левин Ю. Д. Провербиальное пространство // Паремнологические исследования. — М.: Наука, 1984. С. 108–126.
14. Маслова В. А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999. С. 159–163.
15. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
16. Никитин М. В. Предел семиотики // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 3–14.
17. Пермьяков Г. Л. Грамматика пословичной мудрости // Пословицы и поговорки народов Востока. — М., Наука, 1979. С. 7–28.
18. Понятие судьбы в контексте разных культур. — М., 1995.
19. Портнов А. Н. Язык и коммуникация «жизненного мира» // Межкультурная коммуникация: взаимосвязь и взаимовлияние: Тез. докл. и сообщ. Межд. конф. 22–23 апреля 1999. — Иваново, 1999. С. 3–4.
20. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25–33.
21. Солодухо Э. М. Интернациональность фразеологической зашифровки отражаемой действительности. — Казань, 1982.
22. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996.
23. Токарев Г. В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (На примере концепта «трудовая деятельность»). — Тула, 2000.
24. Топорова В. М. Семантика дороги в лексике и фразеологии европейских языков // Семантика языковых единиц. 1994. Ч. 1. С. 135–138.

REFERENCES

1. Arutjunova N. D. O styde i stuzhe. // Voprosy jazykoznanija. — M. 1997. № 2. S. 59–70.
2. Arutjunova N. D. JAzyk i mir cheloveka. M.: JAzyki russkoj kul'tury, 1999.
3. Bragina N. G. Fragment lingvokul'turologicheskogo leksikona (bazovye ponjatija) // Frazeologija v kontekste kul'tury. — M.: JAzyki russkoj kul'tury, 1999. S. 131–138.
4. Volkova T. N. Lingvopedagogicheskaja kul'turologija, ee predmet i mesto v sisteme nauchnogo znanija // Novoe v prepodavanii russkogo jazyka v shkole i vuze. Iv. GU. Ivanovo, 1998. S. 167–169.
5. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologija (teorija i metody). — M.: Izd-vo RUDN, 1997.
6. Vorob'ev V. V. O statuse lingvokul'turologii // Russkij jazyk, literatura i kul'tu-ra na rubezhe vekov: 9 Mezhd. kongress MAPRJAL. 1. Tез. dokl. i soobw. — Bratislava, 1999. T. 2. S. 125–126.

7. Vorob'ev V. V., Dronov V. V., Hruslov G. V. Moskva...Rossija. Rech' i obrazy. — M., 2005.
8. Gadamer H. G. 1998.
9. Erahtin A. V. Dialektika stanovlenija myshlenija i soznaniya. — Sverdlovsk, 1989.
10. Karaulov JU. N. Ponjatie jazykovej lichnosti v trudah V. V. Vinogradova // Russkij jazyk: Jazykovoje znachenie v funkcional'nom i jesteticheskom aspektah: Vinogradovskie chte-nija. — M.: Nauka, 1987. S. 91–101.
11. Kolesov V. V. Zhizn' proishodit ot slova... — SPb.: Zlatoust, 1999.
12. Konceptualizacija i smysl. — M., 1990.
13. Levin JU. D. Proverbial'noe prostranstvo // Paremiologicheskie issledovanija. — M.: Nauka, 1984. S. 108–126.
14. Maslova V. A. Svjaz' mifa i jazyka // Frazeologija v kontekste kul'tury. — M.: Jazyki ruskoj kul'tury, 1999. S. 159–163.
15. Mokienko V. M. Obrazy ruskoj rechi: Istoriko-jetimologicheskie i jetnolingvisti-cheskie ocherki frazeologii. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986.
16. Nikitin M. V. Predel semiotiki // Voprosy jazykoznanija. 1997. № 1. S. 3–14.
17. Permjakov G. L. Grammatika poslovichnoj mudrosti // Poslovicy i pogovorki naro-dov Vostoka. — M. Nauka, 1979. S. 7–28.
18. Ponjatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur. — M., 1995.
19. Portnov A. N. Jazyk i kommunikacija «zhiznennogo mira» // Mezhkul'turnaja kommu-nikacija: vzaimosvjaz' i vzaimovlijanie: Tez. dokl. i soobw. Mezhd. konf. 22–23 aprelja 1999. — Ivanovo, 1999. S. 3–4.
20. Postovalova V. I. Lingvokul'turologija v svete antropologicheskoj paradigmy (k probleme osnovanij i granic sovremennoj frazeologii) // Frazeologija v kontekste kul'tury. — M.: Jazyki ruskoj kul'tury, 1999. S. 25–33.
21. Soloduho Je. M. Internacional'nost' frazeologicheskoj zashifrovki otrazhaemoj dejstvitel'nosti. — Kazan', 1982.
22. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. — M.: Jazyki ruskoj kul'tury, 1996.
23. Tokarev G. V. Problemy lingvokul'turologicheskogo opisanija koncepta (Na prime-re koncepta «trudovaja dejatel'nost'»). — Tula, 2000.
24. Toporova V. M. Semantika dorogi v leksike i frazeologii evropejskih jazykov // Semantika jazykovyh edinic. 1994. CH. 1. S. 135–138.